

На правах рукописи

Усов Дмитрий Андреевич

**Репрезентация политического режима
Римской империи в художественном дискурсе
эпохи Августа и Юлиев-Клавдиев**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2024

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира Института восточных культур и античности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО «РГГУ»)

Научный руководитель:

Сморчков Андрей Михайлович
доктор исторических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Махлаюк Александр Валентинович
доктор исторических наук, профессор,
федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет имени
Н.И. Лобачевского», кафедра истории
Древнего мира и Средних веков,
заведующий кафедрой

Никишин Владимир Олегович
кандидат исторических наук, федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»,
кафедра истории Древнего мира, доцент

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский педагогический
государственный университет»

Защита состоится «14» июня 2024 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО «РГГУ») по адресу: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Usov_DA_307.pdf

Автореферат разослан « » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Барышева Елена Владимировна

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Любая политическая система в той или иной мере покоится на коллективном воображении участников властных отношений. Такое воображение представляет собой интерсубъективную реальность, которая формируется и поддерживается в ходе непрерывного обмена информацией между различными социальными силами. Она включает в себя образы политической власти, общественные ценности и ожидания, модели политического поведения для властных и подвластных групп населения, которые, наравне с любыми другими объективными факторами, способны влиять на исторические процессы.

Важной составляющей интерсубъективной действительности принципата был унаследованный им от республики дискурс свободы. В настоящем исследовании мы предложили взглянуть на центральные для такого дискурса понятия – *lex*, *ius* и *libertas* – как на особые мыслительные категории, позволяющие подступиться к мироощущению римлян периода институционализации авторитарной модели политических отношений. Исследовав эти понятия в художественных текстах эпохи Августа и Юлиев-Клавдиев, имевших более широкий читательский круг, нежели исторические и философские труды, мы продемонстрировали особенности репрезентации образа императора и его правления как важных компонентов картины мира римского гражданина и одновременно с этим – как своеобразных факторов исторического процесса, повлиявших, как мы предполагаем, на становление и особенности функционирования политического режима Империи.

Объект и предмет исследования. Объект работы составляет репрезентация политической власти в Римской империи. Предмет исследования – понятия закона, права, свободы (*lex*, *ius*, *libertas*) и связанные с ними образы императора в художественном дискурсе эпохи Августа и Юлиев-Клавдиев.

Цель и задачи. Научная проблема исследования касается области общественного сознания римских граждан и, в частности, специфики их восприятия системы принципата. Она ставит перед исследователем принципиальный вопрос: каким образом и на основании каких источников мы можем подступиться к мыслям и чувствам простых жителей Римской империи? В рамках нашего исследования мы попытались сделать это через художественные тексты.

С учётом обозначенной проблемы была сформулирована следующая **цель** – выявить стратегии репрезентации императора и политической системы принципата в художественных произведениях эпохи Августа и Юлиев-Клавдиев.

В соответствии со сформулированной целью в работе были поставлены следующие **задачи**:

- провести семантический анализ лексем *lex*, *ius*, *liber/libertas* в художественных сочинениях римских авторов указанного периода;
- определить значимость понятия свободы и его соотношение с властью римского императора в художественных мирах этих произведений;
- выделить особенности образов принцепса и принципата в контексте установленных значения и значимости идеи свободы у каждого литератора;
- проследить развитие этих образов и стоящего за ними дискурса свободы.

Методология исследования. Исследование проведено на основе политико-антропологического подхода, при котором феномен властных отношений понимается как явление по преимуществу информационное. Мы исходили из мысли, что сущность политической власти неотделима от её внешнего образа, складывающегося в процессе символической коммуникации между государственными структурами и различными социальными группами.

Применение конкретных научных методов обусловлено целью и задачами исследования, а также особенностями его источниковой базы.

Основными методами стали контент-анализ, семантический анализ и дискурс-анализ.

Контент-анализ использовался для подсчёта и отбора лексем *lex*, *ius* и *libertas* с политическими коннотациями. Семантический анализ позволил углубить понимание значений избранных категорий в каждом конкретном случае их употребления и сосредоточиться на анализе образов императора и его режима, предполагаемых, эксплицитно или имплицитно, их семантикой. Метод дискурс-анализа предопределил наш подход к художественному тексту как к сложной, многоуровневой и противоречивой знаковой системе – дискурсу, состоящему из множества разнообразных поддискурсов (политического, религиозного, философского и др.); такой метод сместил наше понимание текста с проблемы поиска «авторского намерения» на изучение специфики его восприятия читательской аудиторией.

В настоящем исследовании применялся также и ряд других, вспомогательных методов. Историко-генетический метод помог проследить особенности зарождения и эволюции образов принцепса и принципата в художественном дискурсе. Сравнительно-исторический метод был необходим для сравнения этих образов и выявления в них общего и особенного. При анализе ритуала отказа императора от власти и его отражения в художественной литературе мы обращались к предложенному М.А. Бойцовым методу историко-символического исследования, ориентирующему исследователя на рассмотрение «символически значимых ситуаций» – политических обрядов и ритуалов. Наконец, метод интертекстуального анализа использовался при определении интертекстуальных связей между произведениями (аллюзий, цитат и др.) для выявления подтекстовой информации (скрытого смысла, вложенного автором в свой труд).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 44 г. до н.э. по 68 г. н.э., то есть с убийства Юлия Цезаря и начала новой волны гражданских войн вплоть до конца правления Нерона, последнего

императора из династии Юлиев-Клавдиев. Нижняя граница указанных рамок, несколько выводящая предмет изучения за пределы правления Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.), обусловлена тем, что ею обычно обозначают начало так называемого «золотого века» римской литературы (44 г. до н.э. – 14 г. н.э.), ярчайшим представителем которого был, конечно, Вергилий. В его раннем творчестве намечаются основные контуры стратегии восприятия грядущей императорской власти, и без их учёта сложно говорить об адекватном постижении репрезентации режима Августа в синхронных ему источниках. Верхняя граница хронологических рамок исследования совпадает с концом истории династии Юлиев-Клавдиев и периода «нероновской литературы». Примерно в это время, мы думаем, в своих основных чертах завершается формирование принципата как политической системы.

Территориальные рамки. Поскольку результаты исследования имеют отношение лишь к представителям римского гражданства, то в территориальном отношении речь должна идти об Апеннинском полуострове и в первую очередь о самом городе Риме.

Источниковая база. Из «Буколик» Вергилия (70–19 гг. до н.э.) мы использовали преимущественно первую эклогу, поскольку только в ней в принципе употребляется лексема *libertas*. Это произведение предлагает новое, уже не республиканское понимание свободы, которое в дальнейшем ляжет в основу популярной стратегии восприятия власти действовавшего императора. «Георгики» приспособливают к этому пониманию свободы категории *lex* и *ius*, тем самым способствуя дальнейшей легитимации в сознании своего читателя надвигавшейся единоличной власти. «Энеида» закрепляет предложенную «Буколиками» и «Георгиками» стратегию восприятия власти Августа, одновременно с этим бросая тень двусмысленности на идею республиканской *libertas* и формулируя проблему сосуществования свободы слова и власти царя, а также имплицитно развивая тему внутренней свободы завоевателя.

«Эподы» и «Сатиры» Горация (65–8 гг. до н.э.) в очень близком ранним сочинениям Вергилия духе формулируют чуждую республике и близкую идеологии принципата концепцию свободы, в рамках которой также находится место для идеи авторитарного владыки. «Оды» и «Послания» развивают эти идеи и закрепляют намеченную ими стратегию репрезентации власти единоличного правителя. Характерное для императорского режима понимание свободы также нашло отражение в «Юбилейном гимне», написанном Горацием по персональному поручению императора для торжественного завершения «Вековых игр» 17 г. до н.э.

Элегии Проперция (ок. 49 г. – после 15 г. до н.э.) формируют элегическое понятие свободы, которое вступает в неочевидное противоречие с идеями Вергилия и отчасти Горация и в некотором смысле стремится скрытно их оспорить и тем самым предоставить совершенно иной взгляд на режим власти Августа.

Наиболее глубоко идея элегической свободы разрабатывается в произведениях Овидия (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.) – «Любовных элегиях», «Героидах», «Науке любви», «Лекарстве от любви» и «Метаморфозах», – вступая в неявную дискуссию с работами Вергилия и в первую очередь Горация. «Фасты» и написанные в ссылке «Скорбные элегии» и «Письма с Понта» в этом отношении менее информативны, примерно так же обстоит дело с элегиями Тибулла (50-е гг. – 19 г. до н.э.).

«Астрономика» Манилия (I в. до н.э. – I в. н.э.) знаменует собой следующий этап в развитии того понимания свободы, который сформулировали Вергилий и Гораций. Слово *libertas* здесь не употребляется ни разу, зато понятие закона и предполагаемое им положение всемогущего правителя играют в художественном мире астролога исключительную роль.

Басни Федра (ок. 20 г. до н.э. – ок. 50 г. н.э.) запечатлели некоторые любопытные изменения в римском дискурсе свободы, а также вытекающие из них трансформации в репрезентуемых этим дискурсом образах принцепса и принципата. Хотя *lex*, *ius* и *libertas* встречаются у литератора нечасто,

мотив свободы, как нам представляется, занимает одно из ключевых мест в его творчестве.

Буколики Кальпурния и эклоги из Эйнзидельна формулируют идею гедонистической свободы, которая в целом соответствует культурному и политическому климату эпохи Нерона, а также форме, стилю и содержанию официальной репрезентации его власти.

Сатирическое сочинение Сенеки Младшего (ок. 4–1 гг. до н.э. – 65 г. н.э.) «Апофеоз божественного Клавдия», или «Отыквление» (Apsocolocyntosis), содержит как минимум четыре модели репрезентации императорской власти, которые в той или иной степени раскрываются в контексте темы свободы уже в его трагедиях.

В «Сатирах» Персия (34–62 гг.), «Сатириконе» Петрония (I в. н.э.) и «Фарсалии», или «Гражданской войне», Лукана (39–65 гг.) тема свободы представлена необычайно рельефно, в особенности она заметна в «Фарсалии» Лукана, проникнутой, согласно традиционному прочтению, злободневным для этого времени пафосом тираноборчества. На примере этих работ хорошо видно, к чему в итоге приходит идея республиканской *libertas* и какие в связи с этим характерные черты приобретает политическое сознание римского гражданского коллектива на закате династии Юлиев-Клавдиев.

Для понимания указанных текстов и формулируемых ими идей представляется важным учёт максимально широкого художественного, философского и исторического контекста, в чём нам помогли такие произведения, как: «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Главные мысли» и «Письмо к Геродоту» Эпикура, поэма «О природе вещей» Лукреция, философские и политические трактаты Цицерона (в первую очередь «Тускуланские беседы», «О природе богов», «О республике», «О законах», «О судьбе»), философские сочинения Сенеки (прежде всего «Нравственные письма к Луцилию», «О милосердии», «О благодеяниях», «О провидении», «О гневе»), «Беседы» Эпиктета, «К себе самому» Марка Аврелия, «О жизни,

учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского, а также «Анналы» Тацита, «Жизнь двенадцати Цезарей», «О поэтах» Светония, «Римская история» Диона Кассия и др.

Большую ценность для нашего исследования представляет составленный Г. фон Арнимом сборник фрагментов ранних стоиков¹, изданный в России в переводе А.А. Столярова².

Степень изученности проблемы

Подходы к изучению политического содержания римской поэзии

В мировом антиковедении обращение к политическим аспектам римской поэзии долгое время означало и по большому счёту продолжает означать изучение политических взглядов непосредственного автора того или иного произведения. На протяжении XVIII – первой половины XX вв. среди учёных отчётливо преобладало отношение к «августовской литературе» как к своего рода послушному орудию государственной «пропаганды», которое в той или иной степени способствовало легитимации нового, императорского порядка. Во второй половине XX – начале XXI вв. такая парадигма исследований, прежде всего «Энеиды», стала обозначаться «оптимистической европейской школой»³, «немецким подходом», «патриотическим прочтением»⁴. Суть её, по большому счёту, сводится к достаточно прямолинейному прочтению эксплицитных смыслов того или иного текста.

Во второй половине XX в. прочные позиции занимает «американский подход»⁵, или «пессимистическое прочтение», известное также как «пессимистическая гарвардская школа»⁶. Наибольшее влияние на её

¹ *Arnim H.F.A. von. Stoicorum Veterum Fragmenta / Ed. by H.F.A. von Arnim. Leipzig, 1903–1905–1924. 4 vols.*

² *Столяров А.А. Фрагменты ранних стоиков / Пер. и комм. А.А. Столярова. М., 1998–2010. 3 т. (в 5 ч.).*

³ *Johnson W.R. Darkness Visible: A Study of Vergil's Aeneid. Berkeley, 1976. P. 9, 15.*

⁴ *Schmidt E.A. The Meaning of Vergil's "Aeneid": American and German Approaches // CW. 2001. Vol. 94. № 2. P. 150.*

⁵ *Ibid. P. 148.*

⁶ Это понятие предложил в 1976 г. У.Р. Джонсон: *Johnson W.R. Op. cit. P. 11.*

становление оказала теория «двух голосов» А. Парри, предложенная им в 1963 г. Согласно этой теории, Вергилий воспекает достижения Рима лишь на формальном, поверхностном уровне, тогда как его собственный голос выражает неподдельную тоску по человеческой свободе, любви, личной преданности, безвозвратно утерянным на службе безликому государству⁷.

Такой подход довольно быстро занял доминирующие позиции в мировой латинистике. Хорошо известны работы Ф.М. Аля, в которых предлагается яркое теоретическое обоснование необходимости поиска скрытых политических смыслов в самом широком круге античной поэзии⁸.

В современном антиковедении всё чаще встречаются сомнения в справедливости обоих подходов. Д.Ф. Кеннеди в статье 1992 г. одним из первых среди учёных попытался выйти за рамки традиционной филологической установки, ориентирующей исследователя на объяснение художественного текста через реконструкцию так называемого «авторского намерения» его создателя. На его взгляд, смысл любого текста зависит не столько от целеполагания его автора, сколько от его восприятия конкретной читающей публикой, поэтому вопрос об отношении поэта к какому бы то ни было политическому режиму по сути своей бессмыслен⁹.

Хотя позиция Д.Ф. Кеннеди была подвергнута основательной критике со стороны многих учёных¹⁰, его статья заложила основу для формирования третьего, примирительного подхода к пониманию особенностей политического содержания римской поэзии. В этом отношении показательны работы Э. Шмидта¹¹, М.В. Шумилина¹², К. Галински¹³, Б. Синьюэ¹⁴,

⁷ Parry A. The Two Voices of Virgil's "Aeneid" // *Arion: A Journal of Humanities and the Classics*. 1963. Vol. 2. No. 4. P. 78–79.

⁸ Например: *Ahl F.M.* Lucan: An Introduction. Ithaca–London, 1976. P. 18, 25–35.

⁹ *Kennedy D.F.* "Augustan" and "Anti-Augustan": Reflections on Terms of Reference // *Roman Poetry and Propaganda in the Age of Augustus* / Ed. by A. Powell. London, 1992. P. 46.

¹⁰ Например: *Davis P.J.* Ovid's Amores: A Political Reading // *CPh*. 1999. Vol. 94. No. 4. P. 33–34; *Heyworth S.J.* Propertius, patronage and politics // *BICS*. 2007. Vol. 50. P. 94.

¹¹ *Schmidt E.A.* Op. cit. (особ. p. 169, 170–171).

¹² *Шумилин М.В.* Политический контекст римской поэзии // *Шаги/Steps*. 2015. № 1 (особ. с. 216–218).

указывающие на многослойность политических смыслов античных поэм, несводимых к прямолинейному высказыванию за или против императора. Однако в науке продолжает господствовать «пессимистическое» направление.

Исследования дискурса свободы в римской поэзии эпохи Августа

Одни авторы в той или иной степени напрямую касаются проблемы свободы и свободы слова у римских поэтов¹⁵. Вторая группа исследователей занимается анализом в поэтических сочинениях категорий *lex* и *ius*, однако, как правило, этот анализ протекает в контексте более широких рамок изучения юридического языка в поэтическом дискурсе. Многие учёные под этим углом выходят на проблему критики литераторами современных им социальных и политических порядков¹⁶. Вторая подгруппа авторов в контексте этой темы затрагивает проблему репрезентации образа принцепса¹⁷.

Другой подход к идее закона у поэтов, в первую очередь у Овидия, связан с именами М. Лоури¹⁸ и И. Зиогаса¹⁹. Учёные предложили взглянуть на поэтический мир Овидия как на особый дискурс, который, противопоставляя поэта законодателю, а силу поэзии – силе правителя, конкурировал с правовой системой принципата в вопросе распределения

¹³ Галински К. Августовская литература и августовская «идеология»: пересмотр оценок // Шаги/Steps. 2017. № 4 (особ. с. 154–155).

¹⁴ Xinyue B. Politics and Divinization in Augustan Poetry. Oxford, 2022 (особ. p. 26–27).

¹⁵ Например: Galinsky K. Vergil's Uses of "Libertas": Texts and Contexts // Vergilius. 2006. Vol. 52. P. 3–19; Xinyue B. (Un)Seeing Augustus: Libertas, Divinisation, and the Iuvenis of Virgil's First Eclogue // JRS. 2021. Vol. 111 (особ. p. 31–32, 35–37, 44, 46).

¹⁶ Например: Покровский М.М. Очерки по римской истории и литературе. СПб., 1907. С. 3, 58–69; Mazurek T. Self-parody and the law in Horace's "Satires" 1.9. // CJ. 1997. Vol. 93. No. 1. P. 1–17.

¹⁷ Например: Tatum W.J. Ultra legem: law and literature in Horace, Satires II.1 // Mnemosyne. 1998. Vol. 51. No. 6. P. 698–699; Lowrie M. Writing, Performance, and Authority in Augustan Rome. Oxford–New York, 2009 P. 331, 343–346, 348.

¹⁸ Lowrie M. Op. cit. P. 361, 374–375, 378.

¹⁹ Ziogas I. Law and Love in Ovid: Courting Justice in the Age of Augustus. Oxford, 2021 (особ. p. 2–3, 5, 10).

власти. Созвучные им мысли также были высказаны в работах Л. Романа²⁰ и Н. Пандей²¹.

Исследования дискурса свободы в римской поэзии эпохи Юлиев-Клавдиев

Идея свободы в «Астрономике» Манилия практически не изучена. Чуть больше этой темы касаются исследователи басен Федра²². Любопытные дискуссии вызывает в науке трактовка *libertas* у Кальпурния²³. Довольно плодотворными выглядят исследования идеи свободы слова у Персия²⁴. Некоторые авторы касаются темы свободы в «Сатириконе» Петрония²⁵. Обращается внимание на философские коннотации *libertas* в трагедиях Сенеки²⁶.

«Фарсалия» Лукана имеет более богатую историю изучения сформулированной в ней идеи свободы. Особое расположение поэта к *libertas* выражено им настолько рельефно, что уже в 1932 г. Х. Наттинг предложил взглянуть на неё как на главного героя его поэмы²⁷. Вместе с тем учёный видел в ней лишь академическую тему для декламаций, полагая, что Лукан не помышлял всерьёз о восстановлении былой республики. Последняя мысль в той или иной форме была воспринята многими исследователями, в результате чего сложилось представление о Лукане как в действительности

²⁰ Roman L. Op. cit. P. 182, 186–187, 191, 195.

²¹ Pandey N.B. The Poetics of Power in Augustan Rome. Latin Poetic Responses to Early Imperial Iconography. Cambridge, 2018. P. 6, 206–209.

²² Например: Zwielerlein O. Jupiter und die Frösche // Hermes. 1989. Bd. 117. H. 2. S. 184–186; Henderson J. Telling Tales on Caesar: Roman Stories from Phaedrus. Oxford–New York, 2001. P. 41, 63, 138–139.

²³ См.: Karakasis E. T. Calpurnius Siculus: A Pastoral Poet in Neronian Rome. Berlin–Boston, 2016. P. 92.

²⁴ Например: Roller M.B. Politics and Invective in Persius and Juvenal // A Companion to Persius and Juvenal / Ed. by S. Braund, J. Osgood. London, 2012. P. 289–291.

²⁵ Например: Dupont F. Le plaisir et la loi: Du Banquet de Platon au Satyricon. Paris, 1977. P. 77–79.

²⁶ Например: Marti B.M. Seneca's Tragedies. A New Interpretation // TPAPhA. 1945. Vol. 76. P. 226, 228, 235, 238.

²⁷ Nutting H.C. The Hero of the Pharsalia // AJPh. 1932. Vol. 53. No. 1. P. 41–52 (особ. p. 43–44).

вовсе не республиканском поэте²⁸, отдельные учёные даже говорят о его искреннем восхищении Нероном²⁹. Вместе с тем некоторые исследователи делают акцент на преобладании у поэта идеи философской свободы³⁰. Однако господствующей позицией в мировой науке остаётся представление о Лукане как правоверном стороннике республиканских свобод. Многие исследователи продолжают писать о его серьёзном отношении к политической *libertas* и категоричном неприятии им императорского режима³¹.

Учитывая все три блока историографического обзора, мы приходим к выводу о назревшей в антиковедении необходимости обстоятельного изучения дискурса свободы и вытекающих из него стратегий репрезентации императорской власти у римских литераторов эпохи Августа и Юлиев-Клавдиев. Изучение политической картины мира гражданского коллектива Рима, в том или ином виде закодированной в художественных текстах, кроме того, может послужить одним из возможных путей к преодолению «оптимистической» и «пессимистической» дихотомии в прочтении политического содержания римской поэзии.

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в его политико-антропологической направленности, позволяющей выдвинуть гипотезу о принципиальном воздействии на модели поведения римского императора коллективных представлений римских граждан о законе, праве и свободе. Насколько мы можем судить, в мировой науке подобное предположение никем открыто не высказывалось и тем более не обосновывалось.

²⁸ См.: *Martindale Ch.* The Politician Lucan // GR. Vol. 31. 1984. No. 1. P. 64.

²⁹ Например: *Holmes N.* Nero and Caesar: Lucan 1.33–66 // CPh. 1999. Vol. 94. No. 1. P. 75–81 (особ. p. 76, 80–81).

³⁰ Например: *Lintott A.W.* Lucan and the History of the Civil War // CQ. 1971. Vol. 21. No. 2. P. 503; *Martindale Ch.* The Politician Lucan // GR. Vol. 31. 1984. No. 1. P. 71.

³¹ Например: *Marti B.M.* The Meaning of the Pharsalia // AJPh. 1945. Vol. 66. No. 4. P. 374–376; *Ahl F.M.* Lucan... P. 35, 49, 54–61, 230 253, 255–256, 266, 268, 278, 321, 323.

В целом репрезентация политической власти, как кажется, всё ещё занимает маргинальное положение в классических исследованиях, тем более её редко касаются те специалисты, которые так или иначе обращаются к понятию свободы в римских поэтических текстах. К тому же их наблюдениям и выводам зачастую недостаёт теоретической глубины. Говоря о *libertas*, учёные склонны упускать из внимания *lex* и *ius*, а также всё богатство её семантического поля, без учёта которого научное понимание римского дискурса свободы обречено оставаться в лучшем случае неполным, а в худшем – искажённым. Другими словами, помимо взгляда на природу власти римского императора в контексте значения и значимости идеи свободы у античных писателей, наше исследование отличается также впервые осуществлённым в науке комплексным анализом самого дискурса свободы в римских художественных сочинениях, созданных на достаточно протяжённом хронологическом отрезке (40-е гг. до н.э. – 60-е гг. н.э.).

Практическая значимость исследования. Выводы и результаты диссертационного исследования могут быть применены в дальнейших исследованиях истории Рима эпохи Принципата и Домината, касающихся как более узкой политико-антропологической проблематики или истории идей, так и более широких политических, социальных и культурных аспектов римской истории. Также результаты работы могут найти применение в сфере высшего образования, например, в общих и специальных лекционных курсах и практических занятиях по истории, культуре и политическим учениям Древнего Рима и Древней Греции. Отдельные наблюдения и выводы могут быть использованы при комментировании произведений римских литераторов.

Апробация. Результаты исследования были апробированы на региональных, всероссийских и международных научных конференциях: «Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии»: IV Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных. Омск, ОмГУ, 2016 г.; «Молодёжь третьего тысячелетия»: XLII

региональная студенческая научно-практической конференции ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Омск, ОмГУ, 2018 г.; «Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения»: XIV Всероссийская (с международным участием) научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. Томск, ТГУ, 2018 г.; Международный молодёжный научный форум «ЛОМОНОСОВ–2019». Москва, МГУ, 2019 г.; Всероссийский междисциплинарный молодёжный Конгресс «Проблемы интерпретации исторических источников: между национальной историей и глобализацией». Архангельск, САФУ, 2019 г.; «Лістападаўскія сустрэчы – XIII»: міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. у гонар акад. М.М. Нікольскага і У. М. Перцава. Минск, БГУ, 2019 г.; “SCIENCE DRIVE – 2019”: the International Scientific Conference. Yaroslavl, Yaroslavl State University, 2019 г.; «Актуальные проблемы истории, туризма, рекламы и связей с общественностью»: Международная молодёжная научно-практическая конференция, Ярославль, ЯрГУ, 2019 г.; «Актуальные проблемы истории, туризма, рекламы и связей с общественностью»: Международная молодёжная научно-практическая конференция, Ярославль, ЯрГУ, 2020 г.; «Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие»: XXV научная конференции по антиковедению и медиэвистике студентов, аспирантов, молодых учёных. Ярославль, ЯрГУ, 2022 г.; Научная конференция памяти Заслуженного профессора Московского университета Ии Леонидовны Маяк (1922–2018). Москва, МГУ, 2022 г.

Основное содержание работы

Структура работы. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка литературы. Во введении обосновываются актуальность исследования, проводится обзор источников и литературы, формулируются цель и задачи работы, характеризуются её научные методы.

Первая глава «Принципат Августа как царство небесного разума» посвящена изучению дискурса свободы у Вергилия и Горация, в том числе анализу предлагаемой этим дискурсом стратегии восприятия римского императора. **В первом параграфе** осуществляется семантический анализ лексемы *libertas* первой эклоги Вергилия, а также слов *lex* и *ius*, использованных поэтом в «Георгиках». Сначала, в «Буколиках», Вергилий очищает *libertas* от злободневных политических коннотаций, наполняет её значением безмятежной жизни частного человека, а её гарантом изображает авторитарного владыку, затем, в «Георгиках», приспособливает к такой *libertas* категорию закона: *lex* и *ius* изымаются им из сферы компетенции народных собраний и вручаются разумным небесам, которые, в свою очередь, проводят их в политическую жизнь с помощью могущественного земного посредника – царя и военачальника, – на роль которого в самом конце произведения неявно выдвигается Октавиан.

Во втором параграфе демонстрируется развитие этих идей в «Энеиде». *Lex* и *ius* здесь также связываются с яркими авторитарными фигурами, практически во всех случаях эти лексемы указывают на их судебные и/или законодательные функции. Исключение составляют Эней и его потомство, изображённые в связи с темой закона послушными божественной воле победоносными завоевателями всего обитаемого мира. Выступая в роли императоров, Эней и Август распространяют разумный космический закон на весь земной круг, тем самым они упорядочивают хаос и гарантируют римлянам свободу как мир и безопасность. На примере Энея поэт также разрабатывает идею внутренней свободы как болезненного принятия своей судьбы, в результате предок Августа наделяется чертами страждущего героя, оказавшегося на вершине политического могущества вопреки собственной воле, что, как мы предположили, отсылает читателя к ритуалу «отказа от власти» (*recusatio imperii*), ставшему впоследствии важным элементом легитимации положения каждого нового принцепса. Одновременно с этим Вергилий предоставляет своему читателю возможность

усомниться в ценности республиканской *libertas*: в одном случае он противопоставляет её *pietas*, в другом позволяет отождествить её с *securitas*. Кроме того, поэт показывает принципиальную совместимость республиканской свободы слова с режимом единоличного правления.

В третьем параграфе рассматриваются особенности осмысления свободы у Горация. В его ранних сочинениях *libertas* выступает атрибутом сугубо частного, неполитизированного, а значит и нереспубликанского, мироощущения. Кроме того, в «Сатирах» поэт отстраняется от политизированной свободы слова своего знаменитого предшественника Луцилия, ставшего у римлян символом республиканских вольностей. Гораций ограничивает свою *libertas* узким кругом друзей, в духе эпикурейской традиции лишая её права на публичный памфлет и переопределяя как обязанность излечивать (а не бичевать) людские пороки. Как и в работах Вергилия, защитником такой неполитической свободы оказывается у него единоличный правитель. Поздние сочинения Горация углубляют эти идеи и предлагают более чёткую стратегию восприятия формирующегося режима принципата. Август для поэта – в первую очередь принцепс, устроитель внутригосударственной жизни и защитник *libertas* как внутренней безопасности и свободы от страстей.

Вторая глава «Принципат Августа как военизированное царство Миноса» демонстрирует, как на основе деконструкции такой модели авторитарной *libertas* Проперций и Овидий формулируют собственное, элегическое понимание свободы, вместе с тем подрывая предлагаемый Вергилием и Горацием взгляд на сущность режима принципата. **В первом параграфе** раскрывается понимание свободы и закона Проперцием. Элегик переопределяет *libertas* как свободную, не ограниченную каким-либо внешним запретом любовь. При этом *lex* и *ius*, которые вслед за Вергилием он связывает преимущественно с военной деятельностью императора, выступают у него средством косвенного подавления такой свободы. В понимании Проперция бесчисленные имперские войны ведутся Августом не

ради мира и безопасности, но исключительно из соображений обогащения. Поощряя жажду наживы посредством планомерного расширения римского мира, император не только не справляется с задачей восстановления древних нравов, но способствует дальнейшему процветанию пороков, что губит искреннюю любовь как залог досужей свободы и подлинного счастья.

Во втором параграфе анализируется идея *libertas* в сочинениях Овидия. Сущностно свобода Овидия, в общем-то, мало чем отличается от праздной свободы Проперция. Это всё то же любовное раскрепощение, сопряжённое с реализацией нескромных желаний. Что выделяет Овидия на фоне Проперция, так это его активное (можно даже сказать, концептуальное) взаимодействие с контекстом эллинистической философии, с помощью которого он существенно углубляет элегический подход к понятию свободы. В основе этого понятия теперь оказывается хорошо знакомая образованным римлянам философская формула «избавление от страха – свобода – счастье», в рамках которой элегик наравне со страхом вводит категорию стыда (*pudor*) как препятствия на пути к состоянию *libertas*. Кроме того, любовь, по Овидию, может быть проявлена как в скрытой и безопасной форме *libertas*, так и в более дерзкой и разнузданной *licentia*. Обе формы, помимо конкретного подхода к практике любовной страсти, включают в себя специфическую стратегию выражения суждения о ней – в виде тайного (*liber*) диалога и вызывающей всеобщее негодование (*licens*) речи.

В третьем параграфе подробно исследуется специфика понимания Овидием *lex* и *ius* и следующего из него образа императора. Поэт включает категорию закона в предложенную им выше философскую структуру понимания *libertas*, представляя *lex* и *ius* как главную предпосылку зарождения стыда и страха, то есть как ключевое средство подавления состояния свободы и счастья. Источником таких противных свободе законов выступает у Овидия политическая власть в лице принцепса Августа, занятого уже не столько внешними войнами, сколько подавлением собственных граждан. На этом основании его правление приравнивается к царству

легендарного Миноса, выступающего в элегическом понимании однозначным тираном.

Третья глава «Принципат после Августа: система с внесистемным принципсом» исследует развитие представлений о свободе и природе императорской власти в «Астрономике» Манилия, баснях Федр, «Отыквлении» и трагедиях Сенеки. **В первом параграфе** речь идёт о дискурсе свободы у Манилия. Астролог создаёт довольно сложную иерархически организованную картину мироздания, на всех своих уровнях пронизанную фундаментальным космическим законом, который управляет всем сущим. В таком мире практически не остаётся места для какой-либо существенной свободы, она сосредотачивается исключительно в сверх-интимной области человеческого мышления, представляя собой возможность умозрительного познания вселенной. При этом особое место у Манилия занимает фигура римского императора. Он изображается всемогущим судьёй с властью завоевателя, который, покорив весь земной круг, после своей смерти завоёвывает и звёздное небо, он занимает место божественного разума, подчиняет небесные тела своей юрисдикции, устанавливает перманентные мир и покой.

Во втором параграфе рассматриваются политические представления Федр. Баснописец решительно разрывает традиционную связь между категориями свободы и закона. Деградация *libertas* в свою крайнюю форму *licentia* теперь возможна и при процветающем под *lex* и *ius* государстве, в то же самое время единоличный правитель в поддержании свободы руководствуется уже не законом, но грубой силой (*vis*). Федр наиболее открыто из всех римских авторов этого времени разделяет принципат как формальную систему и принципса как слабо встроенного в неё человека. Правитель Рима – это достойный, недеятельный царь, способный магическим образом разузнать истину и разоблачить ложь. Пусть он и располагает могуществом верховного судьи, на практике же суд вершится безликой

системой, изображённой коллективным тираном, который подавляет свободу легитимным насилием и страхом перед ним.

В третьем параграфе изучается дискурс свободы сатиры и трагедий Сенеки. Философ, отдавая должное легалистскому пониманию свободы, вместе с тем отчётливо стремится его преодолеть. Он отказывается от идеи закона как принципиального критерия для поведения единоличного правителя и средства поддержания всеобщего состояния свободы. Сенека рвёт с образом принцепса-судьи и откровенно изображает его добродетельным царём, который, отвергая формальные законы как мерило справедливости, руководствуется в своём правлении исключительно никому не подотчётной, кроме него самого, внутренней добродетелью. Это выделяет его из институционализированного пространства принципата и превращает в самодовлеющего вестника божественной власти.

Четвёртая глава «Принципат Нерона как царство праздного Аполлона» сосредоточена на работах преимущественно нероновских писателей – эклогах из Эйнзидельна, буколиках Кальпурния, сатирах Персия, «Сатириконе» Петрония, «Фарсалии» Лукана и некоторых трагедиях Сенеки. Она подводит итог развитию политических представлений римлян при Юлиях-Клавдиях. **В первом параграфе** исследуется идея свободы в буколиках Кальпурния и Эйнзидельнских эклогах. В этих произведениях вместо *libertas* уже открыто говорится о *securitas*, причём последняя понимается уже не столько как безопасность в строгом смысле этого слова, сколько как возможность гедонистического потребления, обеспечиваемого, в свою очередь, уже не столько законами, сколько искусством, преимущественно монополизируемой принцепсом музыкой. Император в связи с этим приобретает образ праздного музыканта-Аполлона, который своей специфической деятельностью не просто потворствует собственным слабостям, но поддерживает всеобщую свободу как тотальный *otium*, то есть в некотором роде занимается политикой.

Во втором параграфе разбираются «Сатиры» Персия и прозаический текст «Сатирикона» Петрония. По большому счёту обоих авторов беспокоит сугубо духовная свобода, содержание которой раскрывается ими в её противопоставлении тлетворному духовному своеволию (*licentia*) и более нейтральному социальному нерабству. Причём социальное нерабство не мыслится ими как какая-то принципиально важная ценность, кроме того, оно больше не ассоциируется с какими-либо гражданскими свободами. В своём выборе между *licentia* и *libertas* персонажи Персия и Петрония определяют только своё внутреннее состояние, они не влияют на политическую ситуацию и характер политического режима, который окончательно перестаёт мыслиться частью их повседневной жизни.

В третьем параграфе внимание уделяется «Эдипу» и «Финикиянкам» Сенеки, «Фарсалии» Лукана и двум обширным стихотворным вставкам «Сатирикона» Петрония. В этих сочинениях, как мы попытались доказать, обсуждается, пусть имплицитно, проблема последствий осуществления оторванной от категорий закона, права и политической свободы власти праздного, лишённого очевидных добродетелей автократа. И Сенека, и Лукан, и Петроний, словно дискутируя с Кальпурнием и неизвестным автором Эйнзидельских эклог, а также со своими предшественниками, прежде всего Вергилием, резко меняют благую сущность разумного божества, которому в коллективном представлении следует император, на прямо противоположную, создавая тем самым образ злой и разрушительной силы. Соответственно, ничего, кроме нравственного и политического разложения, верный такой судьбе правитель своим гражданам не несёт.

Основные положения, выносимые на защиту:

– В своих ключевых чертах свойственный принципату дискурс авторитарной и деполитизированной свободы был сформирован ещё в ранних сочинениях Вергилия и Горация (40–30-х гг. до н.э.), что могло послужить одним из факторов успешного утверждения политического режима Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.).

- Создавая свои поздние произведения в рамках всё той же парадигмы авторитарной *libertas* и параллельно с этим развивая идею внутренней, философской свободы, Вергилий и Гораций закрепляют намеченную ими раннее стратегию восприятия принципата как царства небесного разума, а императора как божественного избранника, гарантирующего римлянам *libertas* как непорочность, мир и безопасность.
- Проперций и Овидий, переопределяя *libertas* как свободную любовь, деконструируют стратегию Вергилия и Горация и изображают принципат как военизированное царство тирана Миноса, который вместо того, чтобы служить свободе, беспощадно её подавляет.
- Манилий, Федр и Сенека, ограничивая пространство свободы преимущественно внутренним миром человека, отделяют императора от возглавляемой им системы: для астролога могущество принцепса выходит далеко за институциональные рамки государства, для баснописца, наоборот, правитель слишком слаб, чтобы на что-либо влиять в этой в целом враждебной человеку системе, философ же возвышает его над формальными институциями, ограничивая его поведение одной лишь добродетелью.
- Кальпурний и автор Эйнзидельских эклог предлагают гедонистическую парадигму свободы и наиболее отчётливо из всех нероновских литераторов изображают принципат как царство «досужего» Аполлона, тем самым легитимизируя «экстравагантное» поведение императора.
- В сатирах Персия и прозаическом тексте «Сатириконе» Петрония как имеющая какой-либо смысл преподносится только идея внутренней свободы, что косвенно свидетельствует об усилении авторитарных черт в развитии системы принципата при Нероне.
- В «Эдипе» и «Финикиянках» Сенеки, «Фарсалии» Лукана и двух стихотворных вставках «Сатириконе» Петрония говорится о следствиях разрыва государственной власти с идеями закона, права и политической свободы, в чём можно усмотреть имплицитный критический комментарий к

«досужему» правлению Нерона, свидетельствующий, в свою очередь, о соответствующем его восприятии.

– Из трактовок римлянами свободы проистекали ключевые образы правителя Римской империи, с которыми, как мы предполагаем, действовавший принцепс был вынужден считаться; они либо лежали в основе легитимности его положения (как у Вергилия, Горация, Манилия, Федра (отчасти), Сенеки, Кальпурния, автора Эйнзидельских эклог), и отступление от предполагаемой ими модели политического поведения должно было означать утрату этой легитимности, либо, наоборот, они сами по себе стремились оспорить законность власти императора, подорвать основы её легитимности (как у Проперция, Овидия, Персия (отчасти), Петрония, Сенеки, Лукана).

– В произведениях многих литераторов власть императора по своей сущности сводится к институту царя, обладающего военными, законодательными, судебными и, к эпохе Нерона, культурно-развлекательными функциями, что в зависимости от контекста могло как укреплять власть принцепса (как у Вергилия и Сенеки), так и, наоборот, служить элементом её «подрывной» критики (как у Овидия и Лукана).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертаций:

1. Усов Д.А. *Liber* и *libertas* в произведениях Горация // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. № 3. С. 472–481.

2. Усов Д.А. *Libertas* в трактовке Овидия: свобода или своеволие? // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 4. С. 3–18.

3. Усов Д.А. *Lex* и *ius* в дискурсе Проперция и Овидия: Принципат Августа как военизированное царство Миноса // Вестник древней истории. 2022. № 3. С. 623–638.

В других изданиях:

1. Усов Д.А. Противоречия Сенеки как отражение переходной эпохи // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: материалы IV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных (Омск, 27–28 октября 2016 г.). Омск: ОмГУ, 2016. С. 80–85.
2. Усов Д.А. Рок в представлении римлянина I в. н.э. (на примере Сенеки Младшего) // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей XLII региональной студенческой научно-практической конференции ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Омск: ОмГУ, 2018. С. 97–101.
3. Усов Д.А. Взгляд изнутри: был ли Сенека теоретиком принципата? // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2019. Вып. 14. Т. 2. С. 299–303.
4. Усов Д.А. Изучение отношения римского общества к принципату Юлиев-Клавдиев в отечественной историографии XX – начала XXI вв. // Грани гуманитарного знания. Ярославль: ЯрГУ, 2019. С. 93–97.
5. Усов Д.А. Отношение Овидия к принципату Августа (по «Метаморфозам») // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2019. ISBN 978-5-317-06100-5.
6. Usov D.A. The image of a woman in Ovid's poems // SCIENCE DRIVE – 2019: Proceedings of the International Scientific Conference. Yaroslavl: Filigree, 2019. P. 92–94.
7. Усов Д.А. Принципат Октавиана Августа в восприятии Овидия // Актуальные проблемы истории, туризма, рекламы и связей с общественностью: материалы Международной молодежной научно-практической конференции 18 апреля 2019 года. Ярославль: ЯрГУ, 2020. С. 12–15.
8. Усов Д.А. Римский эпос и философия Стои: проблема интерпретации образа Энея у Вергилия // Ars Historica: сб. науч. ст. Вып. 11 / Сост., науч. ред. Т.С. Минаева. Архангельск: САФУ, 2019. С. 209–213.

9. Усов Д.А. К дискуссии о политическом смысле финальной сцены «Энеиды» Вергилия // Лістападаўскія сустрэчы – XIII: матэрыялы міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. у гонар акад. М. М. Нікольскага і У. М. Перцава / В.А. Фядосік (адк. рэд.). Мінск: БДУ, 2019. С. 57–60.

10. Усов Д.А. Pius Aeneas et furens Turnus: проблема интерпретации образов в контексте политического смысла «Энеиды» // Lumen intellectus. Памяти Ии Леонидовны Маяк: сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2019. С. 106–122.

11. Усов Д.А. Lex и ius в «Сатирах» Горация // Актуальные проблемы истории, туризма, рекламы и связей с общественностью: тезисы докладов конференции (Международная молодежная научно-практическая конференция, 23 апреля 2020 г.). Ярославль: ЯрГУ, 2021. С. 12–14.

12. Усов Д.А. Принципат как тирания: репрезентация власти Августа в трудах Овидия // Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие: сборник докладов XXV научной конференции по антиковедению и медиевистике студентов, аспирантов, молодых учёных (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 25–27 марта 2022 г.) / Под ред. Е.С. Данилова, В.В. Дементьевой. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 36–40.